

Что же тогда шизофрения? Это испытывать усталость и растерянность; это попытка разделить все переживания на реальные и нереальные, хотя не всегда можно распознать, где пересекаются грани реального и кажущегося. Это пытаться мыслить здраво, несмотря на то что плутаешь в лабиринте из слов и переживаний, а мысли будто высасываются из головы, так что становится неловко говорить перед публикой. Это иногда чувствовать, что находишься внутри своей головы, и представлять будто идёшь по своему мозгу, или наблюдать, как другая девушка надевает твою одежду и выполняет действия, которые приходят в твою голову. Это знать, что за тобой постоянно «наблюдают», что ты никогда не добьёшься успеха в жизни, потому что все законы против тебя, и знать, что твоя погибель всегда где-то рядом.

Слова пациентки с шизофренией, цитата из книги Генри Р. Роллина «Справляясь с шизофренией»⁶

Сочувствие, искренняя поддержка близких и друзей помогают нам справляться с самыми невыносимыми трудностями. Представьте себе, что вы пострадали от стихийного бедствия, например оказались в эпицентре наводнения и чудом спаслись, или заболели тяжёлым заболеванием — раком. Помощь близких людей подарит необходимое утешение и поддержку в трудную минуту. «Сочувствие, — говорил Эмерсон, — это целительная атмосфера, в которой нам становится лучше». При этом оно невозможно без способности поставить себя на место человека, который испытывает мучения. Нужно уметь представить, что ты сам пострадал от наводнения или заболел раком. Без этой способности — поставить себя на место страдающего человека — можно испытывать лишь абстрактную жалость, но не истинное сочувствие.

Сопереживать людям, страдающим шизофренией, очень сложно, потому что поставить себя на их место — невыполнимая задача. Процесс развития заболевания для абсолютного

большинства остаётся загадочным, чуждым и пугающим. Как отмечает Рой Портер в книге «Социальная история безумия»⁹, «инаковость, как правило, отличительный признак прерывистых диалогов, которые ведутся между “сумасшедшими” и “здравомыслящими”, или тишины, которая останавливает эти диалоги. Безумие — это неведомая страна».

Шизофрения, таким образом, не имеет ничего общего с наводнением, ведь в случае наводнения вполне можно представить, что всё имущество уничтожено водой, а жизнь находится под угрозой. Не похожа она и на заболевание раком, на медленно растущую опухоль, неумолимо распространяющуюся от органа к органу и выжимающую жизнь из тела. Нет, шизофрения — это безумие. Заболевший ведёт себя странно, говорит непонятные слова, отстраняется, а в некоторых случаях даже пытается причинить нам вред. Это уже не тот человек, которого мы знали, — он сошёл с ума! Мы не понимаем, почему больные шизофренией говорят то, что говорят, и делают то, что делают. Не понимаем, как развивается болезнь. Перед нами не неуклонно растущая опухоль, которую можно представить, а человек, потерявший контроль над своим мозгом. Как можно ему сочувствовать, если им владеют неизвестные и невидимые силы? Как можно сопереживать сумасшедшему человеку?

Недостаток сочувствия к больным шизофренией делает это заболевание ещё бóльшим бедствием. Болеть шизофренией — уже само по себе плохо. Тем из нас, кто не страдает этим недугом, стоит спросить себя: как бы мы себя чувствовали, если бы наш мозг начал играть с нами, если бы невидимые голоса кричали на нас и мы потеряли способность испытывать эмоции и логически рассуждать? Как заметил один человек, страдающий шизофренией: «Мой самый большой страх — это мой мозг... Худшее, что можно себе представить, — это быть в ужасе от собственного разума, той самой материи, которая управляет всем, что мы есть, всем, что мы делаем и чувствуем».

Для любого человека это было бы тяжёлым бременем. Но что, если в дополнение к этому страшному заболеванию самые близкие люди стали бы избегать нас или игнорировать, делать вид, что не слышат наших слов, притворяться, что не замечают наших поступков? Как бы мы себя чувствовали, если бы те, кто для нас дорог, каждый день стыдились бы нас?

Поскольку мы мало понимаем, что происходит внутри человека, страдающего шизофренией, то и сочувствия выражаем гораздо меньше, чем нужно. По этой причине каждый, у кого есть родственник или близкий друг с этим заболеванием, обязан узнать как можно больше о том, что оно представляет собой и что испытывает больной человек. Это не просто интеллектуальное упражнение или способ удовлетворить своё любопытство, а скорее средство, которое позволит поддержать человека. Для друзей и родственников, которые хотят помочь, вероятно, самое важное — узнать о том, как функционирует мозг человека с шизофренией. Одна мать написала мне, выслушав описания зрительных галлюцинаций больного сына: «Когда я представила себе всё, что так его мучило, честно говоря, у меня волосы встали дыбом от ужаса. Но это помогло мне забыть о моих “проблемах” и осознать, насколько ситуация ужасна для страдающего человека. Я благодарю Бога за эту болезненную мудрость. Мне стало легче справляться со всем этим».

Если сочувствие и желание поддержать искренни, шизофрения — это личная трагедия отдельного человека. В противном случае она становится большим несчастьем целой семьи, потому ничто не объединяет её членов, ничто не способно залечить рану. Понимание шизофрении также помогает демистифицировать болезнь и вывести её из тьмы невежества на дневной свет разума. По мере того как мы постигаем её суть, лицо болезни постепенно меняется, превращаясь из ужасного в печальное. Для больного человека это очень важная перемена.

Лучший способ узнать, что испытывает человек, страдающий шизофренией, — это выслушать того, кто измучен этим заболеванием. По этой причине при описании признаков и симптомов я в значительной степени опирался на рассказы самих пациентов. В англоязычной литературе можно найти несколько прекрасных образцов; лучшие из них приведены в конце этой главы. Именно поэтому одна из самых читаемых книг «Я никогда не обещала вам розового сада»¹⁰ Ханны Грин не очень полезна (см. приложение А). В этой книге описывается пациент, которому следовало бы поставить диагноз истерический невроз, а не шизофрения.

Если прислушаться к тому, как больные шизофренией описывают свои переживания, и понаблюдать за их поведением, можно заметить определенные отклонения от нормы, к которым относятся:

- изменение чувственного восприятия;
- неспособность сортировать и интерпретировать поступающие от органов чувств сигналы и, как следствие, неспособность адекватно на них реагировать;
- бред и галлюцинации;
- изменённое самоощущение;
- изменение эмоций;
- изменение движений;
- изменение поведения;
- отрицание собственной болезни.

Нет таких симптомов или признаков, которые бы встречались у всех людей, страдающих шизофренией, поэтому окончательный диагноз ставится на основании общей клинической картины. У кого-то проявляются в большей степени одни симптомы, у кого-то — другие. Но также не существует ни одного симптома или признака, который был бы присущ исключительно шизофрении. Все проявляемые в ходе её течения симптомы и признаки могут хотя бы иногда наблюдаться при других заболеваниях головного мозга, таких как опухоли и височная эпилепсия.

Изменение чувственного восприятия

В романе Эдгара Аллана По «Сердце-обличитель» (1843) главный герой, явно впадая в состояние, похожее на шизофрению, восклицает, обращаясь к читателю: «Разве я не говорил вам, что то, что вы принимаете за безумие, — всего лишь чрезмерная острота чувств?» Как эксперт по тёмным глубинам человеческого разума, По прямо указывает на центральную тему безумия. Изменения чувственного восприятия особенно заметны на ранних стадиях развития шизофрении и, согласно одному исследованию, встречаются почти у двух третей всех пациентов. Авторы исследования заключают: «Дисфункция чувственного восприятия — наиболее неизменная черта ранней стадии шизофрении». Чаще всего о ней можно узнать от пациентов, которые оправились от психотического эпизода. Гораздо реже эти изменения могут описать пациенты с острой или хронической формой психоза.

Такой отличительный признак шизофрении, как изменение чувственного восприятия, отмечали и современники По. В 1862 году директор больницы для умалишённых штата Иллинойс писал, что безумие «либо полностью, либо существенно меняет разум в его способе получать впечатления». Изменения могут быть как усиленными (чаще всего), так и притупленными; могут затрагивать все сенсорные модальности. Например, у героя книги По наблюдалась повышенная острота слуха:

Правда! Я нервничал, очень, страшно нервничал — таким был всегда, таким и остаюсь!

Но почему меня посчитали из-за этого сумасшедшим? Болезнь обострила мои чувства, но не уничтожила, не притупила их. И прежде всего обострила мой слух, потому что я стал слышать всё, что происходит на небе и на земле.

Изменение чувственного восприятия

Я много чего слышал из того, что происходит в аду. Разве меня можно называть после этого сумасшедшим? Слушайте! И наблюдайте, как спокойно и рассудительно я расскажу вам эту историю от начала и до конца.

Один из пациентов описал это так:

В последнее время я заметил, что все шумы кажутся мне более громкими, чем раньше. Как будто кто-то увеличил громкость. <...> Больше всего я замечаю это по фоновым шумам — вы понимаете, о чем я: шумам, которые реально окружают нас, только вы их не замечаете.

Изменения в зрительном восприятии встречаются даже чаще, чем в слуховом. Один пациент описал это следующим образом:

Цвета теперь кажутся ярче, как будто светятся. Я не уверен, что предметы твёрдые, пока не потрогаю их. Кажется, я замечаю больше цветов, чем раньше, хотя не обладаю художественными способностями. <...> Меня завораживает не только цвет предметов, но и всевозможные мелочи, например отметины на их поверхности.

А другой отметил как резкость цветов, так и трансформацию формы людей и предметов:

Все выглядело ярким, особенно красный цвет; люди приобретали дьявольский вид: с черными очертаниями и белыми блестящими глазами; всевозможные предметы: стулья, здания, предметы на моём пути — обретали собственную жизнь; казалось, они делали угрожающие жесты, как будто стали живыми.

В некоторых случаях визуальные изменения улучшили внешний вид окружающего мира:

Многие предметы казались психоделическими, они сияли. Я работал в ресторане, и он выглядел более шикарным, чем был на самом деле.

В других случаях изменения делали людей и вещи уродливыми или пугающими:

Люди выглядели деформированными, как будто им сделали пластическую операцию или наложили грим и изменили костную структуру.

Цвета и текстуры могут сливаться друг с другом:

Я видел всё очень ярким, насыщенным и чистым вплоть до самой тончайшей линии. Или блестящим и гладким, как вода, но твёрдым. Через некоторое время всё снова стало грубым и будто ушло в тень.

Иногда обостряются и слуховые, и зрительные ощущения, как это произошло с одной молодой женщиной:

Подобные «моменты» происходили чаще. Однажды, когда я находилась в кабинете директора, комната вдруг стала огромной. <...> Глубокий ужас охватил меня, я словно потерялась и стала отчаянно оглядываться по сторонам в поисках помощи. Я слышала, как люди разговаривают, но не понимала смысла слов. Голоса были металлическими, без тепла и цвета. Время от времени какое-нибудь слово отделялось от остальных. Оно повторялось в моей голове снова и снова, до абсурда, словно его вырезали ножом.

Усиление чувственного восприятия тесно связано с появлением слишком большого количества раздражителей. Чувства не только обостряются — человек начинает видеть и слышать всё, что его окружает. В норме наш мозг отсеивает большинство поступающих звуков и других сигналов, позволяя нам сосредоточиться на том, что необходимо в конкретной ситуации. У многих людей, страдающих шизофренией, этот механизм отсеивания, по-видимому, нарушается, в результате чего в мозг одновременно поступает целый поток сенсорных раздражителей.

Вот как один человек описывает атаку органов чувств слуховыми раздражителями:

Кажется, что всё приковывает моё внимание, хотя я ничем особенно не интересуюсь. Я сейчас говорю с вами, но слышу шум в соседней комнате и в коридоре. Мне трудно от них отгородиться, и они мешают мне сосредоточиться на том, что я вам говорю.

Или визуальными стимулами:

Время от времени в сменяющие друг друга периоды беспокойства я испытывал некоторое искажение зрения и галлюцинации. В нескольких случаях мои глаза стали заметно нечувствительными к свету. Обычные цвета казались слишком яркими, а солнечный свет — ослепительным. Когда это происходило, обычное чтение становилось невозможным, а шрифт казался чрезмерно чёрным.

Часто описываемые явления наблюдаются одновременно:

Моё внимание работало немного странно. Я мог бы буквально писать портреты людей, которые шли по улице. Запоминал номера машин, которые видел, пока мы ехали в Ванкувер. За бензин мы заплатили 3,57 доллара. За то время, пока мы там находились, пневматическая почта издала восемнадцать звонков.

Сторонний наблюдатель увидел бы во мне только человека, «оторванного от реальности». На самом деле я и мне подобные сталкиваемся с таким количеством реальностей, что это часто сбивает с толку, а иногда и вовсе ошеломляет.

Как видно из этих примеров, трудно сосредоточиться или уделить внимание чему-то конкретному, когда на мозг сваливается так много сенсорных раздражителей. В одном из исследований более половины людей, страдавших шизофренией, отмечали нарушение внимания и неспособность следить за ходом времени. Один из пациентов выразил это следующим образом:

Иногда, когда люди говорят со мной, моя голова переполняется. Слишком много всего и сразу, и то, что пришло, так же стремительно покидает голову, как и появляется в ней. Вы забываете, что только что услышали, потому что не можете послушать это достаточно долго. Произносимые слова просто висают в воз-

духе, и вы можете понять, о чём идёт речь, только по лицу человека, который говорит.

Из-за этой сенсорной перегрузки людям с шизофренией часто трудно общаться. Один молодой человек отметил:

Справиться с ситуациями, в которых я должен был взаимодействовать с другими людьми, было практически невозможно. Я всегда выглядел отстранённым, озабоченным, нервным или просто странным, потому что улавливал только бессмысленные фрагменты разговора и постоянно просил людей повторить и объяснить мне, что они имели в виду.

При шизофрении могут быть затронуты и другие сенсорные модальности, помимо слуховой и зрительной. Мэри Барнс в своём автобиографическом произведении о её «путешествии сквозь безумие» вспоминала, как «было страшно, когда к тебе прикасались... Однажды медсестра попыталась подстричь мне ногти. Прикосновение было невыносимым, и я попыталась её укусить». Студент-медик, страдающий шизофренией, вспоминал: «...прикосновение к любому пациенту вызывало у меня ощущение, что меня бьют током». Другой пациент описывал ужас от ощущения крысы в своём горле и вкуса «разложения во рту, когда её тело гнило внутри». Иногда встречается повышенная чувствительность гениталий, которую один пациент объяснил как «сексуальное возбуждение, от которого не было ни покоя, ни облегчения». Однажды я работал с молодым человеком, который был убеждён, что его пенис почернел. Он боролся с этим бредовым страхом, настаивая на том, чтобы врачи или любой другой человек в пределах видимости осматривали его каждые пять минут, чтобы успокоить. Его госпитализировали после того, когда он зашёл в местное почтовое отделение, где работала его подруга, и попросил её осмотреть его пенис в присутствии посетителей почты.

Ещё один аспект чрезмерного обострения восприятия — наводнение разума мыслями. Мозг словно подвергается атаке

как внешними стимулами (например, звуками и зрительными образами), так и внутренними (мыслями, воспоминаниями). Один из психиатров, который детально изучил эту область, утверждает, что мы недостаточно внимания уделяли воздействию внутренних раздражителей на людей с шизофренией:

Моя беда в том, что у меня слишком много мыслей. Вы можете подумать о чём-то, скажем, о пепельнице: о, да, это предназначено для того, чтобы положить туда сигарету. Но я подумую о пепельнице и одновременно ещё о дюжине разных вещей, связанных с ней.

Я плохо концентрируюсь на чём-то, потому что перескакиваю с одного предмета на другой. Если я с кем-то разговариваю, ему достаточно скрестить ноги или почесать голову, и я отвлекаюсь и забываю, о чём говорил. Мне кажется, я мог бы лучше сосредоточиться, если бы закрыл глаза.

Этот же человек описывает наплыв воспоминаний из прошлого так:

Детские ощущения возвращались в виде символов, в голове проносились обрывки прошлых разговоров.<...> Мне стало казаться, что меня загипнотизировали, чтобы я вспомнил, что произошло в первые четыре с половиной года моей жизни.

Возможно, именно эта повышенная способность некоторых пациентов вспоминать события детства заставила психоаналитиков ошибочно предположить, что вспоминаемые события объединены с шизофренией причинно-следственной связью. Однако нет никаких научных доказательств в пользу таких теорий, зато есть много доказательств в пользу противоположного мнения.

Одним из видов наводнения разума мыслями принято считать ощущение, что эти мысли навязаны кем-то со стороны. Когда человек считает, что мысли буквально вложены ему в голову с какой-то целью. Это явление обычно называют «вложенными мыслями», и опытные психиатры считают его явным симптомом шизофрении:

Глава 1. Внутренний мир безумия: взгляд изнутри

Всевозможные «мысли» приходят ко мне, как будто кто-то «говорит» их в моей голове. Когда я нахожусь в какой-либо компании, становится ещё хуже.

В колледже я «знала», что все думают и говорят обо мне, а также что местный аптекарь мучает меня, вбивая в голову свои мысли и побуждая покупать вещи, которые мне не нужны.

При такой активности в голове неудивительно, что человеку трудно сосредоточиться:

Меня пригласили поиграть в шашки, и я начал партию, но не смог продолжить. Я был слишком поглощён собственными мыслями, особенно теми, которые касались приближающегося конца света и людей, которые ответственны за применение силы с намерением убить.

Эссо Лиэт написала много полезных статей с позиции пациента с шизофренией, в которых рассказывает об изменениях восприятия так:

Был вечер, и я прогуливалась по пляжу недалеко от своего колледжа во Флориде. Внезапно моё восприятие изменилось. Усиливающийся ветер стал предзнаменованием чего-то ужасного. Я чувствовала, как он становится всё сильнее; казалось, что он схватит меня и унесёт с собой. Деревья, висившиеся вокруг, угрожающе наклонились в мою сторону, а перекати-поле стали меня преследовать. Я очень испугалась и побежала. Однако, хоть я и знала, что бегу, мне казалось, что я не продвигаюсь вперёд. Как будто я застыла в пространстве и времени.

Когда все чувства и мысли обострены до предела, можно представить, как сильно должна пугать какофония, которая терзает мозг, — это подтверждают и сами пациенты в своих рассказах. Однако на самой ранней стадии заболевания, пока острота чувственного восприятия не превысит допустимые пределы, она может дарить приятные переживания. Многие описывают первые дни развития шизофрении как время повышенного осознания, подъёма духа — того, что обычно на-

зывают «пиковыми переживаниями». Также они характерны для маниакально-депрессивного расстройства (биполярного расстройства) и для наркотического кайфа. Вот как рассказывает об этом один пациент:

Внезапно всё моё существо наполнилось светом и красотой, а изнутри меня поднялось ответное волнительное чувство, которое хотело слиться воедино с этим снизошедшим на меня счастьем. Я находился в состоянии яркого осознания и озарения.

Многие пациенты интерпретируют подобные переживания через религиозную призму и убеждены, что к ним прикасается Бог:

Я находился в состоянии всё большего возбуждения и осознания. Во всём, что говорили люди, я находил скрытый смысл, и он касался самой жизни во всех её проявлениях. Все реальные вещи имели свой смысл. Я глубоко осознавал жизнь, истину и Бога. А пойдя в церковь, обнаружил, что все компоненты церковной службы вдруг тоже обрели смысл.

После подобных описаний уже не удивляет, что чрезмерную религиозность принято считать одним из частых симптомов начала развития шизофрении. В одном исследовании говорится, что на ранних стадиях «почти все пациенты жаловались на невыразимость своих переживаний, а подавляющее большинство сообщало о своей озабоченности метафизическими, сверхъестественными или философскими вопросами».

При шизофрении чувственное восприятие может не только усиливаться, но и притупляться. Этот процесс чаще всего наблюдается на поздних стадиях заболевания, в то время как усиление чувств считается одним из самых ранних симптомов. Притупление описывают «как тяжёлый занавес, который задержан над разумом; он похож на густое мёртвое облако, которое мешает свободно использовать органы чувств». Собственный голос может звучать приглушённо или как будто издали, а зрение — быть нечётким или размытым: «Как бы я ни при-

смастривался, всё словно было спрятано за странной пеленой, и масса деталей, таких как узор на ковре, за ней терялась».

Одно из ощущений, которое может полностью исчезать при шизофрении, — это ощущение боли. Хотя это случается нечасто, когда такое притупление происходит, оно производит большой эффект и может даже привести к катастрофическим последствиям. Сейчас в моде приписывать подобное притупление боли действию лекарств, но на самом деле оно было чётко описано доктором Джоном Хасламом ещё в 1798 году в его книге «Заметки о безумии»¹¹. В старых учебниках, например, есть множество свидетельств того, как хирурги проводили аппендэктомию и другие подобные операции некоторым пациентам с шизофренией практически без анестезии. Одна из моих пациенток не осознавала, что у неё обширный абсцесс груди, пока гной не просочился сквозь платье. Хотя это крайне больно, она утверждала, что не чувствовала никакой боли. Медсестры, которые много лет ухаживали за пациентами с шизофренией, рассказывали истории о переломах костей, прободных язвах или разрывах аппендикса, на которые пациенты никак не реагировали. С практической точки зрения важно знать о том, что такое бывает, потому что пациент может быть больным и нуждаться в медицинской помощи, даже если не жалуется на боль. Часто некоторые люди, страдающие шизофренией, обжигают пальцы, потому что докуривают сигарету до самого конца.

Вполне возможно, что существует общий знаменатель для изменений чувственного восприятия, о которых шла речь до сих пор. Им может являться таламус, расположенный в нижних отделах головного мозга, — через него проходят все поступающие сенсорные сигналы. Таким образом, можно предположить, что эта область вовлечена в появление шизофрении, а нарушения в её работе ответственны за появление многих симптомов, что будет описано в главе 5. За несколько лет до того, как психиатры и неврологи задумались об этом, Норма

Макдональд, женщина, опубликовавшая рассказ о своей болезни в 1960 году, описала свою концепцию «поломки в системе фильтров»:

Каждый проходящий мимо меня незнакомец на улице был для меня зна́ком, который я обязательно должна была интерпретировать. Каждое лицо в окнах проезжающего мимо трамвая запечатлевалось в моем сознании, как будто все люди концентрировались на мне и пытались передать какое-то послание. Сейчас, много лет спустя, я могу оценить произошедшее. Каждый из нас способен справляться с большим количеством раздражителей, вторгающихся в наше существо через любой из органов чувств. Мы можем услышать любой звук в пределах слышимости и увидеть любой предмет, оттенок и цвет в поле зрения. Очевидно, что мы были бы не в состоянии заниматься повседневной рутинной, если хотя бы одна сотая часть всех этих доступных сигналов вторглась в нас одновременно. Значит, у разума должен быть фильтр, который функционирует без нашей сознательной мысли, сортируя сигналы и позволяя нарушать сознание только тем из них, которые имеют отношение к текущей ситуации. И этот фильтр должен работать с максимальной эффективностью в любое время, особенно когда нам требуется на чем-то сконцентрироваться. То, что произошло со мной в Торонто, было поломкой этого фильтра, и мешанина несвязанных сигналов отвлекала меня от вещей, на которых я должна была сосредоточить пристальное внимание.

Неспособность правильно интерпретировать и реагировать

У людей, мозг которых функционирует нормально, поступающие сигналы сортируются и интерпретируются, а затем уже подбирается правильная реакция. Большинство реакций заучены: например, когда нам дарят подарок, мы говорим «спасибо». Сюда же относится и умение определять причинно-следственные связи и делать на их основе логический вывод: если мы не придём на работу в назначенное время, скорее

всего, у нас будут неприятности с руководством. Наш мозг сортирует и интерпретирует поступающие сигналы и посылает ответы сотни тысяч раз в день.

Одним из основных дефектов шизофрении считается неспособность сортировать поступающие сигналы, интерпретировать их и затем адресно реагировать. Учебники по психиатрии описывают это как расстройство мышления, но речь идёт не только о мыслях. Зрительные и слуховые сигналы, эмоции и некоторые действия находятся в беспорядке точно так же, как и мысли, и за это, похоже, ответственен один и тот же дефект мозга.

Мы не настолько хорошо понимаем человеческий мозг, чтобы точно знать, как работает эта система, но представьте, что внутри вашей головы сидит телефонный оператор, а перед ним находится старый коммутатор, на котором нужно переключать штекеры для соединения с тем или иным абонентом. Он получает все поступающие сенсорные сигналы, мысли, идеи, воспоминания и эмоции, сортирует их и определяет те, которые сочетаются друг с другом. Например, обычно наш мозг воспринимает все слова высказывания и автоматически преобразует их в мыслительную схему. Нам не нужно концентрироваться на отдельных словах — мы можем сосредоточиться на смысле всего сообщения.

Что произойдёт, если оператор коммутатора решит не выполнять работу по сортировке и интерпретации? Два пациента описывают подобный дефект с точки зрения понимания слуховых сигналов вот так:

Когда люди говорят, мне приходится думать, что означают их слова. Видите ли, вместо спонтанной реакции возникает пауза. Мне приходится думать, и это занимает время. Мне приходится уделять всё своё внимание людям, когда они говорят, иначе я путаюсь и не понимаю их.

Если люди говорят просто, я могу сосредоточиться на их словах. Когда же они переходят к длинным предложениям, я теряю

Неспособность правильно интерпретировать и реагировать

смысл. Я слышу множество слов, которые мне нужно связать воедино, чтобы придать им смысл.

Одна пара исследователей описала этот дефект как рецептивную афазию, подобную той, что встречается у некоторых пациентов, перенёсших инсульт. Слова находятся в памяти, но человек не может синтезировать их в предложения, как объяснила эта больная шизофренией:

Часто случалось, что я не понимала, что говорят люди, как будто это был иностранный язык.

Трудности с восприятием визуальных сигналов аналогичны тем, которые были описаны для слуховых:

Я должен собрать всё воедино в своей голове. Если я посмотрю на свои часы, то увижу ремешок, циферблат, стрелки и так далее, а затем мне нужно будет соединить их вместе, чтобы получить единое целое.

У одной пациентки были похожие проблемы: когда она смотрела на своего психиатра, то видела «зубы, потом нос, потом щёки, потом один глаз и другой. Возможно, именно эта независимость каждой части внушала такой страх и мешала мне узнать моего врача, хотя я прекрасно знала, кто она».

Вероятно, именно из-за таких нарушений зрительной интерпретации некоторые больные шизофренией неправильно идентифицируют человека и говорят, что он или она похожи на кого-то другого. Моя сестра, страдающая шизофренией, часто делала это, утверждая, что видела многих друзей из детства, которых, как я знаю, на самом деле в этот момент не было рядом. Другой пациент с шизофренией как-то придал своему визуальному заблуждению оттенок величия:

Сегодня утром, когда я находился в больнице Хиллсайд, я снимал кино. Меня окружали кинозвезды. Рентгенологом был Питер Лоуфорд. Охранником был Дон Хоттис.